

Замах сверху сорвался — вернее, замер на полпути, словно натолкнувшись на невидимую преграду.

Бэтмен опешил лишь на мгновение, но беглецу этого хватило: извиваясь скользким вьюном, он вывернулся из-под ног героя и бросился наутек.

Быстро сверившись с записью на визоре маски, Бэтмен коснулся коммуникатора и вызвал напарника:

— Робин, к тебе движется цель. Мужчина в белом халате, на вид около тридцати. На руках младенец с белыми волосами.

— Понял тебя! — отозвался чистый юношеский голос.

Робин тут же нырнул в лабиринт вентиляционных шахт. Ориентируясь по тепловизору, он без труда запеленговал цель и легкой птицей соскользнул из решетки воздуховода прямо перед носом у беглеца.

Мужчина в белом халате в ужасе попятился. Он судорожно сжимал шприц, выставив его перед собой, словно оружие. Но Робин подметил странность: беглец держал иглу как можно дальше от ребенка, будто панически боялся случайно его задеть — совсем не так ведут себя с заложниками.

— Назад! Не подходи! — сорвался на визг мужчина.

— Эй, давай без глупостей. Положи малыша на пол, — Робин заговорил мягко, почти убаюкивающе, и сделал едва заметный шаг вперед. — С двухлеткой на руках далеко не убежишь, сам ведь понимаешь.

Эта деталь не давала покоя ни Бэтмену, ни Робину. Скрыться в одиночку куда проще: ты маневренней, незаметней, быстрее. К чему тащить с собой младенца? Маленькие дети капризны, непредсказуемы, могут в любой момент закричать и выдать твое убежище. Да и держать обмякшее тельце на бегу — то еще испытание, того и гляди выскользнет.

Ребенок был для беглеца обузой, чистейшим самоубийством.

Даже если сначала его взяли ради прикрытия, логичнее было бросить младенца где-нибудь по дороге. Это заставило бы преследователей остановиться, потерять драгоценные минуты на спасение подкидыша, а беглецу подарило бы шанс раствориться в темноте.

Но он держал его мертвой хваткой. Бережно, держа опасный шприц на расстоянии. Вывод напрашивался один: этот младенец бесценен.

Робин продолжал заговаривать ему зубы, пока за спиной безумного ученого бесшумной тенью вырастал Бэтмен. Ловушка захлопнулась.

— Да что ты вообще понимаешь?! — Ученый вдруг встrepенулcя, его лицо исказила гримаса безумного торжества. — Это не просто ребенок! Это венец творения! Само совершенство! Он вернет мне все! Мое имя, мое величие!

Мужчина явно бредил, переходя на истерический шепот. Он бормотал бессвязные, дикие вещи: «дитя богов», «небесный дар», «мессия»...

Бэтмен понял: медлить нельзя. Психика похитителя трещала по швам, в любую секунду он мог сорваться и навредить младенцу. Пользуясь тем, что безумец его не видит, Темный Рыцарь подал Робину условный знак.

Юноша едва заметно кивнул.

В то же мгновение пущенный снайперским броском бэтарапг рассек воздух и выбил шприц из пальцев ученого. Тот взвыл от боли, а смертоносная ампула разлетелась вдребезги о бетонный пол. Второй бэтарапг, брошенный следом, вонзился точно в осколки, превращая остатки иглы в безвредное крошево.

Герои рванулись вперед одновременно. Робин в лихом подкате сбил безумца с ног, шурша тяжелой тканью плаща. Бэтмен уже тянул руки, чтобы перехватить падающего младенца...

Но произошло то, чего никто не ожидал. Теряя равновесие, ученый попросту разжал руки и швырнул ребенка высоко вверх, под самый потолок, словно тряпичную куклу.

В эту же секунду с грохотом разлетелись массивные двери. В коридор ворвался штурмовой отряд Готэмского департамента полиции. Первое, что они увидели — безумный ученый, яростно сопротивляющийся линчевателям.

— Огонь! — рявкнул командир спецназа, боясь потерять контроль над ситуацией.

Бэтмен похолодел, мгновенно просчитав траектории. Желто-черный плащ кувyркающегося Робина перекрыл спецназу обзор. Полицейские не видели взлетевшего под потолок ребенка. Для них это была зона свободного огня.

Шанс того, что шальная пуля зацепит крошечное тельце...

В эту секунду Бэтмену было плевать на скрытые таланты младенца, на его загадочную ДНК и тайны похитителей.

Жизнь. Жизнь невинного ребенка — вот единственное, что имело значение.

— Не стрелять! Там ребенок! — Громовой, исполненный ярости крик Темного Рыцаря разорвал грохот выстрелов.

Но свинец уже сорвался со стволов. Время словно замедлилось, и герои с ужасом наблюдали, как смертоносный поток несется прямо к беззащитному малышу.

И пули замерли.

Спецназовцы ничего не поняли, но Бэтмен и Робин отчетливо видели: в паре дюймов от ребенка летящие пули словно наткнулись на невидимый кисель. Они зависли в воздухе на долю секунды, а затем их траектории неестественно исказились, обтекая младенца по идеальной дуге.

На одно краткое мгновение Бэтмен встретился взглядом со льдисто-голубыми глазами младенца. В голове Темного Рыцаря пронеслась безумная, неуместная мысль — он вспомнил то щемящее чувство уязвимости, когда во время одного из первых совместных патрулей Супермен бесцеремонно просветил его рентгеновским зрением и ухмыльнулся, прочитав имя, вышитое Альфредом на его фамильных трусах.

Какие бы бездны ни разверзлись в мыслях Бэтмена, тело сработало на чистых рефлексах. Он рванулся вперед, поймал падающего кроху и всей своей двухсотфунтовой тушей обрушился прямо на незадачливого ученого.

Малыш даже не пискнул, устроившись на груди героя с полным олимпийским спокойствием. А вот распластаный под ними похититель выдал глухой, полный нечеловеческой боли стон.

Прижимая ребенка левой рукой, Бэтмен правой намертво впечатал ученого лицом в пол. Этот тип явно знал гораздо больше, чем положено обычному торговцу живым товаром.

Коротко кивнув напарнику, Бэтмен передал ему драгоценную ношу.

Робин бережно принял младенца. Крохе не было и года. Он казался высеченным из чистейшего снега: белая кожа, белые пушистые волосы и даже ресницы с бровями отливали безупречной белизной.

— Альбинос? — негромко пробормотал Робин, разглядывая чудо природы.

Вдруг новорожденный распахнул веки. На Робина воззрились невероятные, пронзительно-синие глаза. Младенец смерил юношу взглядом, полным такого царственного пренебрежения, что Робин невольно вспомнил одного наглого бродячего котяру из Готэмской академии. Тот обожал развалиться посреди тротуара, а когда его просили уступить дорогу, смотрел на

учеников так, словно они лично оскорбили его величество в трех поколениях.

Робин не сдержал улыбки. Он осторожно склонился над пятисекундным знакомцем, коснулся своим лбом его крошечного лобика и заглянул в бескрайнюю синеву глаз. Поделившись живым теплом, парень негромко, но искренне произнес:

— Какое счастье, что ты цел, малыш.

В его голосе не было ни капли фальши или скрытого умысла — лишь чистая, незамутненная радость за спасенную жизнь.

Сатору Годжо, устроившись в руках подростка, лениво потянул его за растрепанную прядь темных волос и мысленно цыкнул.

"Тоже мне, защитник нашелся. Величайшему учителю Сатору Годжо не нужны сопли малолеток!"

Но тут же осекся. Голова забавно дернулась вбок, выражая крайнее недоумение.

"Стоп. Я что... был учителем? Зачем мне вообще сдалось кого-то учить?"

С его точки зрения, забота о слабых всегда была утомительной обузой. Защищать их — ладно, это лишь вопрос силы и личного выбора. Но возиться с ними, воспитывать, наставлять? Это же совершенно другой уровень геморроя. Зачем он добровольно обрек себя на такую каторгу?

Прервав его глубокие экзистенциальные размышления, Робин принялся мягко похлопывать кроху по спине.

— Что же ты молчишь, чудо? — обеспокоенно спросил юноша, пытаясь вызвать у ребенка хоть какую-то реакцию.

Вокруг царил невообразимый хаос. Визжали болгарки и скрежетал металл — спасатели спешно срезали железные решетки вольеров. Из глубины доносились строгие окрики полицейских, всхлипы испуганных, наконец-то освобожденных женщин, а чуть дальше раскатистым эхом гремел фирменный хриплый голос Бэтмена, вытрясающего душу из очередного негодяя — от этого рыка любой нормальный ребенок забился бы в истерике.

Обычный младенец в такой обстановке уже давно надрывался бы от крика, требуя унести его подальше от этого ада.

Но этот белоголовый кроха с момента спасения не издал ни единого писка.

Это не на шутку пугало Робина.

Пока юноша лихорадочно соображал, не немой ли перед ним или, быть может, страдает аутизмом, макушку обожгло резкой болью. Робин опустил взгляд: младенец с поразительной силой вцепился в его волосы и сердито потянул вниз, обиженно лопоча что-то вроде «ба-ба-ба!».

От бывшего ледяного величия на мордашке малыша не осталось и следа — теперь это был совершенно обычный, капризный и живой ребенок.

— Эй, полегче, громила, — рассмеялся Робин и послушно наклонил голову, отдавая свои локоны на растерзание крохотным пальчикам.

Пока в одном углу разливалось уютное тепло, а тусклый свет прожектора казался ласковым солнцем, в другом углу разворачивался филиал преисподней.

Доктор Стиг чувствовал себя так, словно попал в средневековую пыточную. Бывший ведущий ученый «Уайт Групп», разжалованный и сосланный в этот готэмский гадюшник за проваленный эксперимент, он был вынужден ковыряться в грязном белье и осматривать похищенных детей. Покупатели черного рынка требовали здоровый товар, и Стиг работал обычным ветеринаром при живом грузе.

Он думал, что похоронил свою карьеру навсегда, пока среди присланных младенцев не обнаружился этот уникальный экземпляр. Мутант! Если бы Стигу удалось выделить его ДНК, провести первые тесты или хотя бы просто передать объект руководству, триумфальное возвращение в высшие эшелоны корпорации было бы обеспечено.

Именно поэтому, едва завывла сирена, ученый бросился в детское отделение, наплевав на охрану. Его целью был именно этот ребенок, которого тупоголовые охранники сочли обычным подкидышем и заперли в боксе.

Стиг знал: пока аномальный младенец спит, его невидимый защитный барьер слабеет, и к нему можно прикоснуться. На этом знании и строился весь его план.

Но летучая мышь Готэма все растоптала.

Ученого с силой впечатали в стену. Тонкий металлический лист обшивки жалобно застонал, прогнувшись под его спиной.

— Что это за ребенок? Говори, — могильный, скрежещущий голос Бэтмена заставил Стига похолодеть.

Стиг еще надеялся разыграть карту молчания, выгадать время для побега, но в следующую

секунду сухой хруст ломающихся костей вышиб из него все иллюзии. Вскрикнув, он повалился на пол, обливаясь холодным потом от нестерпимой боли.

Холодная, покрытая каплями готэмского дождя броня Бэтмена нависла над ним неотвратимой скалой. Тяжелое колено вдавило плечо Стига в бетон, вышибая остатки кислорода из легких. Тьма поплыла перед глазами, и ученый отчетливо почувствовал могильный холод.

"Бэтмен не убивает... — судорожно билась в угасающем разуме мысль. — Кодекс... он меня не убьет, надо просто молчать..."

Но перед глазами уже заплескали черные мушки, пальцы рук и ног мгновенно онемели, а легкие тщетно пытались сделать хотя бы глоток воздуха. Организм отказывал. Он действительно сейчас умрет!

Мужчина задергался в панике, судорожно скребя ногтями по бронированным перчаткам героя.

— Скажу! Все скажу! — прохрипел он синюшными губами.

Бэтмен не ослабил хватку сразу. Он подержал его на самой грани небытия еще пару секунд, позволяя ужасу укорениться в сознании, и лишь затем убрал колено.

Только заглянув в бездну, человек начинает по-настоящему уважать силу.

— Мы... мы его не похищали! Его принесли! — кашляя и хватаясь за горло, запричитал Стиг. — Один из наших старых поставщиков, работороговец. Сказал, нашел необычного младенца с неземной внешностью и жуткими глазами. Решил, что нам пригодится. Мы толком ничего не успели узнать! Только то, что у него есть какой-то силовой барьер. Стоит проявить агрессию — и барьер активизируется. Больше ничего, клянусь!

Стиг трясся мелкой дрожью, вжимаясь в пол и выкладывая все подчистую.

— И это все? — голос Бэтмена упал до леденящего шепота.

Носок тяжелого сапога поддел валявшийся на полу скальпель. Лезвие взмыло в воздух и со свистом вошло в обшивку стены в миллиметре от уха ученого. Острая сталь задела щеку, и спустя секунду по бледной коже Стига поползла тонкая алая струйка.

— Есть еще! Еще! — взвизгнул ученый, зажмурившись от страха перед зависшей над ним сталью. Он буквально пополз вперед и вцепился в тяжелый сапог Бэтмена, умоляя о пощаде. — С ним было одеяльце! В складках мы нашли деревянную табличку со странным узором и вышитым именем. Наверняка это как-то связано с его семьей!

Вещи, изъятые из сейфа лаборатории, не пролили свет на происхождение ребенка, а лишь подкинули новых загадок. В свертке лежала деревянная амулет-табличка с фамильным гербом и вышитое на шелковом покрывале имя: Сатору Годжо. Сама ткань оказалась тончайшей традиционной парчой для элитных японских кимоно — невероятно дорогая, ручной работы, доступная лишь древнейшим аристократическим кланам.

В Готэме семей, способных позволить себе подобную роскошь, было по пальцам пересчитать, а уж тех, кто имел корни в Японии — и вовсе ни одной.

Нахмурившись, Бэтмен убрал артефакты в отделения служебного пояса. Мальчишка становился все более интригующей загадкой.

— Пенни-Уан, — Бэтмен активировал защищенный канал связи. — Проверь базу данных. Имя — Сатору Годжо. Ищи любые упоминания клана или фамилии Годжо в Готэме. Если чисто, расширь поиск на всю страну, а затем и на весь мир.

— Принято, сэр. Занимаюсь, — отозвался в наушнике невозмутимый голос Альфреда.

Загадочный подкидыш тем временем мирно лежал на плече Робина. Услышав тяжелые шаги, малыш приподнял голову и уставился прямо на маску подошедшего Бэтмена. Точнее — на заостренные черные уши его шлема.

Ни капли страха. Кроха доверчиво потянулся крошечными ручонками к мрачной, грозной фигуре Темного Рыцаря, словно тот был забавной плюшевой игрушкой.

Под маской Бэтмена Брюс невольно улыбнулся. Сердце сурового защитника Готэма дрогнуло при виде этого беззащитного существа. Он осторожно взял младенца на руки, намереваясь потечески прижать к груди, но не тут-то было. Малыш резво выпрямился и с победным кличем бросился Бэтмену прямо на лицо, облепив маску маленьким тельцем.

Бэтмен оцепенел. Тельце ребенка было настолько крошечным и хрупким, что гроза преступного мира Готэма попросту побоялся сделать лишнее движение. Его огромные руки в тяжелых перчатках нелепо зависли в воздухе. Острый слух уловил откровенное, издевательское хмыканье Робина и приглушенные смешки полицейских неподалеку.

Сам же виновник переполоха, Сатору Годжо, времени даром не терял. Проворно взобравшись по маске, он уселся на макушку мрачного героя и обеими ручонками вцепился в бутафорские уши шлема.

На ощупь они оказались вовсе не мягкими, как у кота, а ледяными и твердыми. Разочарованно потерев добычу, Сатору вскоре обнаружил, что его бережно, но настойчиво снимают с головы. Бэтмен опустил бунтаря на уровень груди и устроил на своем плече, надежно придерживая рукой.

Малыш уткнулся теплым носиком в шею мужчины. Обостренные чувства прирожденного мага-заклинателя мгновенно уловили ровный, размеренный стук сердца под бронепластинами.

Брюс почувствовал, как напряженное детское тельце постепенно обмякло, доверчиво прижавшись к его броне. У самого уха раздалось тихое, мерное сопение.

Отдавая дальнейшие приказы полиции, Бэтмен неосознанно понизил голос до полупшепота.

В разгар беседы с комиссаром Бэтмен резко, словно ужаленный, развернулся, вперив ледяной взгляд в глубину коридора. Но позади не было ничего — лишь глухая стена из ржавого железа тускло поблескивала в полумраке.

— Что-то не так? — насторожился стоящий рядом офицер, инстинктивно положив ладонь на кобуру.

Бэтмен медленно просканировал пространство взглядом. Из тени бесшумно вынырнул Робин и отрицательно покачал головой: тепловизоры не фиксировали никакого движения в радиусе пятидесяти метров.

— Ничего, — глухо бросил Бэтмен, хотя интуиция была в набат. Он отчетливо почувствовал чужой, тяжелый взгляд на своей спине. Но датчикам напарника не доверять у него не было причин.

"Паранойя?"

Брюс тут же отменил эту мысль. Многолетняя привычка доверять шестому чувству не раз спасала его от пули в затылок.

В ту же секунду левое плечо, свободное от ребенка, внезапно налилось свинцовой тяжестью, отозвавшись тупой, ноющей болью. Бэтмен слегка повел плечом, списав это на застарелую травму, решившую напомнить о себе из-за готэмской сырости.

Но так же внезапно, в один миг, и гнетущее ощущение слезки, и резкая боль в плече бесследно испарились.

Что-то заподозрив, Бэтмен скосил глаза на младенца у себя на плече. Кроха вовсе не спал. Белоголовый подкидыш всюду глазел на него своими невероятными глазами-океанами, а когда понял, что обнаружен, лишь невинно захлопал ресничками.

И забавно причмокнул крошечными губками.

<http://bllate.org/book/19544/1950742>